



Марина Эльденберт



ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ПЛАМЯ В ТВОИХ РУКАХ
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. НЕБЕСА В ОГНЕ
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ЗВЕЗДЫ ПАДАЮТ В НЕБО
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. НЕБО ДЛЯ ДВОИХ

МЯТЕЖНИЦА

СКРЫТЫЕ ЧУВСТВА

ЗАКЛЯТАЯ НЕВЕСТА

ЛЮБОВНИЦА ПОНЕВОЛЕ

В соавторстве с Валерией Черновановой

МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ АЛМАЗНЫЙ КОРОЛЬ И Я
МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ ЛЮБОВЬ ЗЛА, ПОЛЮБИШЬ И КОРОЛЯ



РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Марина Эльденберт

Любовница поневоле

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Э53

Серия основана в 2011 году
Выпуск 561

Художник
Е. Никольская

Эльденберт М.
Э53 Любвица поневоле: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3139-7

Люди и верволфы живут на разных полюсах. За брак с человеческой женщиной могут изгнать из стаи, после брака с вервольфом твоя жизнь перевернется с ног на голову, вот только об этом не думаешь, когда любишь.

Теперь мой муж мертв, а его долг возложен на меня. И этот долг приведет меня к мужчине, которому я отказала. И который до сих пор желает видеть меня своей.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марина Эльденберт, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3139-7

ПРОЛОГ

Я вытолкнула себя из душной комнаты на пустынную веранду. Стеклопакеты дверей бесшумно захлопнулись, приглушая звуки музыки и смеха: очередная вечеринка была в самом разгаре, а мне захотелось отдохнуть от этого шума.

Я с наслаждением вдохнула прохладный воздух, завернула за угол и забралась на мраморные перила. Уверена, мало кому сейчас пришло бы в голову сидеть на мраморе и рассматривать увядающий сад. Поздней осенью веранда оставалась не востребовавшей, даже в изящной пепельнице было всего два окурка.

Я не курила. Однажды попыталась, но потом чуть задохнулась и решила, что это не мое. Я вообще гордилась тем, что сразу могу понять, что мое, а что не мое. Вот сидеть на мраморе и рассматривать полную луну вместе со звездами — это мое. Здесь, за городом, они ярче и ближе. А шумные вечеринки до утра — совсем не мое.

Я неправильная студентка. Всем нравятся вечеринки, Дэнвер их очень любит. А я люблю Дэнвера, поэтому и хожу на вечеринки вместе с ним. Хотя по большому счету мне все равно, куда мы отправимся вместе. Когда мы танцуем, когда он прижимает меня к груди или кладет ладонь мне на талию, притягивая к себе, мне плевать абсолютно на все. Какие там вечеринки!

Мы с Дэнвером разные. Я — человек, он — вервольф. Я люблю почитать в одиночестве, он не может существо-

вать без общения. Занятия по физической подготовке мною приравняются к пыткам, и я безумно благодарна маме за ген стройности, а Дэн не начинает свой день без силовых тренировок. Я предпочитаю решать все путем переговоров, Дэнверу только дай с кем-нибудь подраться.

Он будто дополняет меня, а я дополняю его.

Наверное, поэтому я приняла предложение Дэнвера. Я выуживаю цепочку, спрятанную под блузкой, и вытаскиваю кольцо. Камень сияет ярче звезд и в очередной раз заставляет меня им любоваться. Необычайно красиво. Но даже будь оно медным ободком, осталось бы таким же прекрасным. Потому что оно особенное.

Символ нашей любви.

Наша тайная помолвка.

Музыка то громче, то тише, наверное, поэтому я не улавливаю мгновения, когда двери на веранду снова открываются, но сразу осознаю, что уже не одна. Конечно, можно предположить, что кто-то все-таки решился покурить на холоде, но так тихо ходят только вервольфы. А я не встречала еще ни одного дымящего вервольфа: для этого у них слишком чувствительное обоняние.

Я почти не сомневаюсь, кто за моей спиной. Здесь меня искать мог только один мужчина. И только один мужчина может подходить ко мне так близко. Я почти касаюсь плечом его пиджака.

— Соскучился? — интересуюсь я.

— Очень, — выдыхает он хрипло, дыханием касаясь моего уха, а меня прошибает холодный пот.

Потому что мужчина за моей спиной совсем не мой жених.

Это Доминик Экрот.

Я вздрагиваю, отшатываюсь и теряю равновесие. Внизу острые ветки облетевших кустов, но рывок вверх возвращает меня на веранду. Правда, я тут же оказываюсь зажата холодным мрамором с одной стороны и лучшим другом

Дэнвера с другой. Последний тоже напоминает камень, разве что живой и горячий. Только этот жар нестерпимо обжигает, хочется как можно скорее отодвинуться от него.

— Осторожнее, Шарлин. Иначе я подумаю, что ты при звуках моего голоса готова сразу упасть к моим ногам.

— Нет, это я решила в кусты прыгнуть, от тебя подальше.

В светло-карих глазах появляется заметный даже в полутьме золотистый блеск — готовность перейти в другую ипостась, а тонкие, словно выточенные губы упрямо сжимаются.

Доминик высокий, мощный и красивый. Впрочем, как все вервольфы. Разве что большинство из них брюнеты, а его волосы цвета темного меда с краплениями золотых прядей. Но не только внешность отличает его от Дэнвера.

Он молчаливый.

Он загадочный.

И пугающий.

— Значит, не стоило тебя спасать? — В голосе Доминика появляются рычащие ноты, будто острыми когтями проводят по шелку.

— Не стоило идти за мной.

— Мне захотелось.

— Не всегда получаешь то, что хочешь.

— Не в моем случае, Шарлин.

Он единственный, кто так произносит мое имя. Будто это самая откровенная и непристойная пошлость.

— Отпусти меня.

— Не хочу.

У меня мурашки по коже, и вовсе не от возбуждения, как это бывает с Дэнвером. Я за секунду почувствовала себя так, будто повстречала на узкой тропе опасного хищника, а помощи ждать неоткуда.

— Доминик, — показываю ему кольцо на цепочке.

Это срабатывает: мужчина от меня резко отстраняется. Правда, загораживает двери, отсекая возможность проскользнуть мимо него обратно в дом.

— Он все-таки сделал предложение?

— Да. Пока это тайна.

— Его родители будут в бешенстве.

Мои тоже не сильно обрадуются. Браки между вервольфами и людьми не запрещены законом, но большая редкость. На то много причин, но ни одна из них не преграда для нас с Дэном.

— Поэтому мы и хотим сначала пожениться, а потом рассказать об этом.

— Это будет ошибкой.

Он говорит это так уверенно, что я сжимаю кулаки.

— Тоже считаешь, что я не пара вервольфу?

— Нет, я считаю, что Дэн тебе не подходит.

— А кто подходит?

— Я.

Такого ответа я даже не ждала. Потому что за те несколько месяцев, что я знакома с Домиником, мы только и делали, что тренировались друг на друге в язвительности. Ни о какой симпатии и речи не шло. Каждый раз, когда он на меня смотрел, я ловила в его взгляде высокомерную снисходительность.

А теперь он говорит, что я ему... Подхожу?

— Я люблю Дэнуэра, — произношу четко.

— Разумеется. — Доминик приподнимает брови. — Ты будешь отличной любовницей, Шарлин. Постоянной конечно же.

Если можно оскорбить сильнее, то я даже не представляла как. Мои щеки вспыхивают так, что прохлада осенней ночи ощущается так, будто я прислонилась к льдине.

— Стоит родителям Дэна узнать, что он женился на тебе, они быстро отрубят ему все семейные кормушки. Вы уже не сможет жить с размахом, как раньше, — он кивает на дом, — не будет всех этих вечеринок. Не будет всех тех подарков, которые ты от него получаешь.

Я не успеваю ответить, что в задницу подарки, Доминик едва уловимым, плавным движением перетекает ко мне.

— Хорошо подумай, Шарлин. Я предлагаю тебе жизнь, похожую на рай. Тебе не придется ни о чем беспокоиться.

— А взамен нужно с тобой трахаться...

Неожиданно его указательный палец прижимается к моим губам.

— Тсс, не груби. Хотя если тебя это заводит, я согласен сделать исключение.

Это прикосновение настолько беспардонное, что я просто задыхаюсь от бешенства. Особенно, когда его ладонь соскальзывает на мою шею.

— Я лучше его, Шарлин. Одна ночь со мной тебе это покажет.

— Я никогда не буду с тобой! — с отвращением выплевываю я. — Ни за деньги, ни просто так!

Я оказываюсь прижата к груди вервольфа раньше, чем успеваю сделать следующий вдох. Он сжимает меня так сильно, что кажется, вот-вот раздавит, уничтожит одним только своим присутствием. Или взглядом, который уже всю горит желтизной, а на гладковыбритом подбородке проступает «волчья щетина». Уверена, если посмотрю на его руки, то увижу когти, но смотреть вниз мне совсем не хочется, и так чувствую, насколько сильно Доминик хочет меня.

— Поосторожнее с обещаниями, Шарлин, — рычит он. — Может случиться так, что ты передумаешь и сама ко мне прибежишь.

— Никогда!

Его рот запечатывает мой грубым поцелуем, и у меня темнеет перед глазами. От недостатка воздуха, от потери свободы. От той тьмы, которая плещется в нем.

Но, прежде чем я успеваю упасть в эту яму, Доминик отстраняется так же быстро, открывая моему взгляду Дэнвера.

— Что это значит?

Я еще ни разу не видела глаза своего жениха настолько яркими, он так сильно зол, что даже я понимаю: он почти сдерживается от трансформации. А вот Доминик, напротив, привычно невозмутим. От его ярости не остается и следа.

— Мы просто разговаривали, — говорит он.

— Я думал, что это называется по-другому.

Я бросаюсь к Дэну, обхватываю его шею руками, и плевать, как это выглядит со стороны.

— Пожалуйста, давай уйдем отсюда, — прошу его.

Теперь уже Доминик не кажется мне пугающим, он кажется мне опасным. Настолько опасным, как бездонные провалы звериных зрачков. Мне становится по-настоящему страшно, потому что исходящую от Дэнвера злость я ощущаю всей кожей. Так же, как ленивое, расслабленное спокойствие, которое излучает Доминик. Спокойствие зверя перед броском.

— Сначала я покажу одному вервольфу, что не нужно разевать пасть на чужую женщину.

Дэн отставляет меня в сторону, сжимая и разжимая кулаки. Но Доминик и бровью не ведет.

— Если ударишь, наша договоренность потеряет силу, — предупреждает он.

Дэнвер будто натывается на невидимую преграду, колеблется лишь секунду, а затем переплетает наши пальцы и, злобно сверкнув взглядом в сторону друга, тянет меня в дом.

— Дэн, о чем он говорил? Что имел в виду?

— Не бери в голову, милая. Это наши общие дела.

— Которые меня не касаются? — выпалила я и ускорила шаг.

Все, хватит с меня вечеринок!

Дэнвер догоняет меня на крыльце, захватив наши пальто. Его уже отпустило, и это снова мой позитивный Дэн.

— Чар, ты все не так поняла. Мы... видимо, оба все не так поняли. Не знаю, что нашло на Доминика, но на него действительно можно положиться. У него есть связи... в особых кругах, он может решить любую проблему. В том числе связанную с нами.

— О чем ты?

— Доминик очень богат, и он не зависит от родителей.

Я холодею, хотя куда уж сильнее.

— Пожалуйста, Дэнвер, не нужно брать у него деньги. Не связывайся с ним. Он очень плохой человек.

— Вервольф, — поправляет он меня.

— Да, вервольф.

Мы молчим по дороге в квартиру Дэна. Он ведет машину, а я вглядываюсь в темный лес по обе стороны от дороги. Как никогда я чувствую пропасть между нами, и впервые мне становится так страшно.

— Вдруг ничего не получится?

— Что? — непонимающе смотрит на меня жених.

— Я про нас.

Видимо, что-то в моем голосе заставляет Дэнвера съехать с обочины и остановить машину.

— Глупости, Чар. Я люблю тебя, а ты меня. Это самое важное. Мои родители терпеть друг друга не могут, и только отравляют жизнь себе и нам с братьями. Я хочу, чтобы у нас все было по-другому. Мне никто не нужен, кроме тебя.

На душе теплеет, и я слабо улыбаюсь.

— И только смерть разлучит нас, — добавляет он шутливо.

— Не говори таких страшных слов, Дэнвер. У меня мурашки по коже.

Мой жених только смеется:

— Чар, это же устойчивое выражение. Литературное, между прочим. Кто из нас учится на филологическом, а?

Мне не смешно. Я принимаю к нему и целую. Так отчаянно, как, пожалуй, никогда еще не целовала. Будто пыта-

юсь стереть все плохое, что было между нами, а еще забыть и проклятого Доминика с его поцелуем и словами про то, что у нас Дэнвером нет будущего.

— Я не хочу с тобой разлучаться, — шепчу ему.

— Значит, никуда я от тебя не денусь.

— Обещаешь?

— Клянусь!

На этот раз Дэн меня целует, а я крепко прижимаюсь к нему. В эту минуту я действительно верю, что мы не расстанемся никогда.

ГЛАВА 1

Четыре года спустя

— Дэнвер, не порть все то хорошее, что между нами было. А оно было, пусть даже после все пошло под откос. Я говорила, что виноват ты, но это неправда, мы оба накосячили. Я, наверное, слишком многого от тебя требовала, да и от себя тоже... Но сейчас все изменилось, и нас ничего больше не связывает, кроме этих бумаг. Так сделай это, наконец! Тебе даже не нужно возвращаться в Крайтон, просто подпиши документы о разводе, и я от тебя отстану.

Писк в трубке возвестил о том, что положенное время для записи сообщения на автоответчик закончилось, и я в сердцах швырнула трубку на пассажирское сиденье.

Сколько за последний год я оставила таких сообщений? Сотню или больше? Однажды звонила ему каждый день всю неделю, но сейчас отзванивалась по средам по дороге на работу. Сообщения были разными: начиная от спокойных, где я уговаривала Дэна, что так будет лучше для нас двоих, и заканчивая угрозами, когда я обещала лично приехать к нему и оторвать все ненужное, если он не подпишет бесовские бумаги.

Проблема была в том, что я не знала, где сейчас мой муж.

И мне в общем-то было на это плевать, если бы этот дражный вервольф дал мне развод. По законам Легории супруги оба должны отказаться от брака: нет двух подписей — продолжайте мучиться! Исключение могут сделать разве

что «в случае нанесения телесных повреждений», но, не смотря на все недостатки мужа, на его врожденную агрессию, несмотря на то, что мы раньше ссорились до сорванных голосов, он меня ни разу не ударил, а сейчас это вовсе было неактуально. В последний наш телефонный разговор Дэн обещал приехать и разрубить эту веревку, связывающую нас.

Тогда я еще верила его обещаниям.

Я припарковала машину во внутреннем дворе и вошла в магазин через черный вход. Рэбел, моя бессменная помощница, как раз расставляла новые экземпляры и протираала полки.

— Снова не взял трубку? — поинтересовалась Рэбел, лихо спрыгивая на пол. Она не могла похвастаться высоким ростом, но зато благодаря этому не падала ни с одного табурета, балансируя наверху.

— У меня это на лице написано?

— Да. У тебя взгляд становится таким, будто хочешь взять томик Дрэксона и дать кое-кому по морде.

Я не сдерживаю улыбку. Энциклопедия Дрэксона, или «Все о мире вервольфов», пожалуй, самая огромная книга, которая есть в моей лавке, если не сказать самая большая в мире.

— Дрэксон, Рэбел? Он же не выживет!

— Никто после такого не выживет. Но тогда и разводиться не придется.

— Рэбел!

— Ладно, молчу. Но когда вижу тебе такой, сама посматриваю в сторону различных энциклопедий. — Раскосые глаза помощницы сужаются совсем в щелки — верный признак раздражения. — Потом, правда, вспоминаю, что они стоят дороже, чем шкура этой псины.

— Вспоминай об этом почаще. Нельзя швырять в людей или вервольфов редкими изданиями. Во-первых, тебя мо-

гут арестовать, во-вторых, ты можешь повредить редкий и дорогой экземпляр.

Рэбел яростно приглаживает темные густые волосы, заплетенные во множество кос.

— Чарли, ты не думала, что можешь нанять детектива? Разыскать этого вервольфа и заставить его все подписать?

— Для того что заставить Дэнвера что-то подписать, нужно нанять двоих-троих головорезов, но я не стану связываться с криминалом.

Хватит того, что в нем погряз мой муж. Этого я не говорю, но Рэбел и так знает всю историю. У нас разница в двадцать лет, тем не менее она мой лучший друг и знает обо мне все.

— Но из-за этой бумажки ты не можешь строить свою личную жизнь!

— Рэбел, вся моя личная жизнь — это вот, — киваю на полки с книгами и вскидываю руку вверх: — Закрыли тему. Не хочу больше о нем. Лучше скажи, что нам вчера прислал прим Томпсон.

Это срабатывает: Рэбел переключается на рабочие дела. Магазин достался мне в наследство от любимой бабушки, родители хотели его продать, считая, что букинистическая лавка в век развития информационных технологий — неперспективно. Но я отказалась и после окончания университета превратила лавку в место, куда приезжали не только из Крайтона, со всех концов Легории. Мы принимали только редкие издания книг, настолько редкие и эксклюзивные, что любители готовы были хорошо платить за них. К тому же мне удалось сохранить атмосферу ушедшего, поэтому все наши клиенты с порога будто попадали в прошлое, погружаясь в ретромир. Как бы ни ворчала Рэбел, я действительно любила то, что делала, и старалась ради собственного дела.

Правда, сегодняшние первые посетители отличаются от тех, кто обычно к нам заходит. Точнее, они ведут себя

по-другому: чаще всего новенькие в нашем магазине выглядят так, словно попали в музей, замирают возле клетки с серебристым попугаем или прилипают взглядами к полкам, от пола до самого потолка заставленным книгами. Эти двое сразу направляются к стойке с кассой, то есть ко мне.

— Прима Брайс? — уточняет высокая темноволосая женщина, ее спутник маячит за спиной и скучающе рассматривает все вокруг. Судя по выправке, эти двое из полиции, хотя и без формы. Оба вервольфы.

— Да, это я.

— Сержант Лабрю. — Она указывает на своего напарника: — И сержант Баррет. Уделите нам минутку.

— Да, конечно. Что-то случилось?

— Случилось. Когда вы в последний раз общались со своим мужем?

По спине почему-то пробегает холодок. Интуиция подсказывает, что Дэн влип во что-то.

— Год назад, может, больше. А что?

— Дэнвер Брайс погиб сегодня ночью в автокатастрофе. Дэн мертв?

Мой муж — мертв?

Новость заставляет ухватиться за край стойки. Пульс стучит в ушах, а я... я оказываюсь где-то в другой реальности. Темноволосая сержант что-то еще говорит, но смысл ее слов ускользает от меня.

— Что? — как в тумане переспрашиваю я и добавляю: — Этого не может быть, он же вервольф.

Серьезные взгляды полицейских сменяются на сочувствующие. Ну да, вервольфы сильнее человека, выносливее, и регенерация у них лучше, но они не бессмертные.

— Эксперты говорят, — приходит на помощь своей напарнице второй сержант, я при всем желании не могу вспомнить его фамилию, — что он получил травму, из-за которой не смог выбраться из автомобиля и сгорел вместе с ним.

Глубокий вздох слева от меня заставляет вздрогнуть: это Рэбел зажимает ладонью рот. В ее глазах ужас и паника. Моя помощница боится огня после того, как сама в детстве едва выбралась из горящего здания. Я это помню. Как помню то, что Дэнвер ничего не боялся. Ни пламени, ни высоких скоростей.

Он вообще любил рисковать.

— Прима Брайс. — Кажется, сержант Лабрю не первый раз окликает меня, и я заставляю себя оттолкнуться от стойки, в которую вцепилась пальцами.

— Да?

— Мы соболезуем вашей утрате, но нам нужно задать вам пару вопросов, наедине.

Рэбел приходит в себя первой:

— Я схожу за кофе.

Она снимает пальто с вешалки, набрасывает его на плечи и выходит через главный вход. Мне бы не помешал кофе, и пальто тоже не помешало бы, потому что даже теплый свитер не спасает от внутренней дрожи.

— Скажите, у вашего мужа были враги?

Вот теперь я холодею по-настоящему, а во рту пересыхает от волнения.

— Я понятия не имею. — Мой голос звучит так, будто он не мой вовсе. Спокойно, отстраненно, я выключаю эмоции, чтобы не начать кричать или не стечь на пол, забившись в угол между стеной и стойкой. — Как я уже сказала, мы очень давно общались. Я даже подавала заявление в полицию, чтобы вы его разыскали.

— Мы в курсе, — кивнула сержант Лабрю. — То есть вы с ним не связывались больше полугода, не созванивались и искали исключительно для того, чтобы развестись?

— Он не отвечал на мои звонки. Почему вы спрашиваете про врагов?

Сержанты переглянулись, и только затем второй ответил:

— У нас есть предположение, что это не несчастный случай, что авария подстроена.

Не предположение, понимаю по их взглядам. Они уверены, что Дэна убили.

Одной фразой меня насильно втягивает в воспоминания. Тогда я еще верила, что у нас с Дэнвером действительно все может наладиться. Он нашел новую работу, сказал мне, что учит боевым навыкам какого-то богатея. Платили очень хорошо, за несколько месяцев муж купил новую машину, делал подарки, пригласил меня в ресторан отметить годовщину.

После ужина мы с Дэнвером вернулись домой и занимались сексом до утра, несмотря на то что в предыдущие месяцы муж был достаточно холоден. С каждым годом наш брак все сильнее и сильнее испытывало на прочность. Дэн очень переживал, хоть и пытался скрыть то, что не прижился в среде людей, что лишился всех привилегий собственной семьи. А я не могу закрыть эту брешь в его сердце. Я не была волчицей или богатой наследницей, мне принадлежал лишь небольшой счет в банке и магазин. Дэн не хотел быть как все, но рядом со мной у него не получалось по-другому. И это раз за разом становилось причиной наших ссор.

В ту ночь все было как прежде, как тогда, когда мы только-только познакомились. Поэтому меня накрыло эйфорией, я весь день ходила как пьяная и искренне верила, что это новый виток наших отношений.

В каком-то смысле так и было.

Потому что ближе к вечеру мне позвонили.

— Шарлин Брайс? — Женский голос оказался таким высоким и звонким, что поначалу я решила, что незнакомка очень молода.

— Да, это я.

— Хотела узнать, как чувствует себя та, что не дает свободы своему мужу.

Я как раз ставила увесистый том «Истории королей вервольфов» на полку и уронила его себе на ногу, но даже не почувствовала этого. Это напоминало тупой розыгрыш, как на День шута — ежегодный карнавал, проходящий по всей стране.

— Что? В каком смысле?

— В том самом, стерва! Только не делай вид, что ты тут ни при чем! Мне прекрасно известно, что ты не даешь Дэни развод, чтобы мы могли быть вместе.

Нет, это точно казалось шуткой. Очень жестокой и злой. Но первый шок миновал, и я холодно поинтересовалась:

— Вы вообще кто?

— Его единственная любовь, Чар.

Так меня называл только Дэн, поэтому я только сильнее сдавила телефон с желанием смять его в кулак. К счастью, я не была вервольфом, чтобы сделать это.

— Что молчишь, сучка?! — совсем не по-женски прорычали в трубку. — Дэн говорил, что ты холодная, как льдина, и он давно тебя не трахает. Странно, что вообще трахал: не каждой под силу вынести темперамент чемпиона Волчьего ринга!

Внутри все мелко дрожало, но я ограничилась глубоким вдохом, выдохом:

— Не звоните мне больше.

— Подпиши развод и оставь его в покое!

Я нажала отбой раньше, чем она продолжила.

Внутри меня растекалась тьма, готовая меня поглотить, но снаружи я будто окаменела. Прождала до самой ночи Дэнвера, не ложилась спать, сопоставляла все детали. И в детстве, и в университете я любила детективные романы и всегда подмечала то, что не видели другие. Но почему-то предпочла обманываться, закрывать глаза на очевидные вещи. Например, откуда у обычного тренера деньги на спорткар и брендовую одежду. И почему он возвращается так поздно.

— Чар? — поинтересовался он, застав меня в гостинной. — Почему не спишь?

— Тот же вопрос, Дэн.

— Я работал, милая.

— Что же это за работа, милый, которую приходится делать по ночам?

Дэнвер проходит вперед, но почему-то не снимает пальто.

— Так захотел клиент, — разводит руками муж, улыбаясь. — Днем он занимается делами, поэтому тренируемся мы тогда, когда у него получается.

— По выходным?

— Ну да.

— И чем он занимается?

— Спортом. — Дэн избегал смотреть мне в глаза — верный признак, что я загнала его в угол. — Он вкладывает деньги в игроков. В боксеров.

— Вкладывает в боксеров, но попросил тебя его обучать?

— А что странного? — вспыхнул Дэнвер. — Ты не веришь, что я могу чему-то его научить? Не веришь в меня?

Я приподняла бровь:

— Почему нет? Я всегда тебе безоговорочно верила. Может, сейчас хочу убедиться, что это по-прежнему так. Хочу знать, где ты был на самом деле.

— Чар, ты что, ревнуешь? Милая, я люблю только тебя.

— А трахаешь других.

Его «милая» как когтями по сердцу, но хуже всего взгляд Дэнвера: за напускным удивлением он не успевает спрятать досаду и злость. Особенно, когда я добавляю:

— Сегодня как раз одна звонила, требовала, чтобы я дала тебе развод.

— Кто?

— То есть их много?

Мои слова заставляют Дэнвера выругаться.

— Чар, брось. Это все несерьезно. Не накручивай себя.

Полы пальто распахиваются, но муж, будто опомнившись запахивает его вновь. Лето в самом разгаре, и дома душно даже ночью, а он не снимает проклятое пальто!

— Сними пальто, Дэн.

— Зачем? Это к делу не относится.

— Просто сними пальто.

— Нет.

Я шагаю к нему и где-то на полпути понимаю, что не так. Я не вервольф, но запах от Дэна такой резкий, что его сложно не уловить, и это вовсе не запах потного тела.

Рывком бросаюсь вперед, распахиваю пальто и вздрагиваю от увиденного. Потому что рукав рубашки и бок разорваны и в крови.

— Ты ранен? — охаю я, забыв про злость. Забыв вообще обо всем.

Осторожно касаюсь его плеча, но он отталкивает меня от себя, легонько для вервольфа, и я падаю на диван.

— Не включай заботливую женушку, Шарлин, — цедит он. — И не лезь не в свое дело!

Его черты искажает едва сдерживаемая трансформация, и впервые за все годы, что я знаю Дэнвера, страх холодом пробирает меня.

Меня пугает собственный муж.

— Что это? Что это за тренировки такие, Дэнвер? — разрываю я эту тишину. — Откуда у тебя деньги? И что такое Волчий ринг?

— Норма, тварь, чтоб ее... Хочешь знать откуда деньги? Оттуда. А Волчий ринг — бои вервольфов.

— Это законно?

Я понимаю, что нет, сразу, как только успеваю спросить. Даже не по взгляду Дэнвера, просто понимаю, что он влез туда, куда не следует, наплевав на все. Наплевав на то, как я к этому отношусь. Наплевав на меня.

— Незаконно, Чар. — Улыбка Дэна настолько издевательская, что напоминает оскал. — Но покажи мне место, где такие деньги можно заработать законно?

— Это плохие деньги, Дэнвер. Это...

— Мне плевать на это! — рычит муж. — Это моя стихия.

Я — вервольф, а не комнатная собачонка.

— Я никогда не считала тебя...

— Да ладно! Я тебе разве что тапки в зубах не приносил, а что ты? Ты никогда не думала, что я вервольф, который живет жизнью человека. Жизнью неудачника!

Я снова хочу возразить, но он рычит:

— Молчи, Чар! Мне известно, как прекрасно ты можешь впаривать свое мнение под этикеткой заботы. Вот только забота — это поддержка.

— Я тебя поддерживала!

— Ни хрена ты меня не поддерживала! Ты все время говорила мне, что быть неудачником нормально. Тебя устраивало, когда я был таким. Зависимым от тебя. Так вот это ненормально! Тебя вообще ничего не интересует, кроме твоего магазина.

— Мы не умерли с голода благодаря моему магазину.

— Ну да, только с голода и не умерли. Но, знаешь, есть нормальные женщины, для которых я не послушная шавка, а чемпион. Для которых я мужик, интересующий их гораздо больше рассыпающихся от старости книг. Меня достало твое нытье! Достала твоя правильность! Нормальная волчица только бы обрадовалась тому, что у нас появились деньги и что ее волк — лучший боец!

— Я не волчица!

— И в этом твоя проблема!

Я резко поднялась и указала ему на дверь:

— Убирайся!

Глаза Дэнвера сверкнули желтым. Он шагнул было ко мне, но я стянула кольцо и швырнула ему под ноги. То самое кольцо, которое когда-то носила на цепочке. То самое кольцо, которое минуту назад еще обжигало мне палец.

— Уходи, Дэн, — сказала спокойно: так спокойно, как нужно разговаривать со взбесившимся зверем.

Спокойно, ни на минуту не теряя уверенности в себе.

— Уходи, или, клянусь, я вызову полицию и все им расскажу.

Дэнвер замер, словно наткнулся на стену.

— Ты пожалеешь, Шарлин, — прорычал он.

А потом резко развернулся. Кольцо смялось под его ботинком, он вылетел за дверь и хлопнул ею с такой силой, что чудом не сорвал с петель.

В тот вечер я вычеркнула его из своей жизни и с тех пор виделась с ним единственный раз. Мы встретились в кафе «У Барри», что напротив моего магазина. Спустя две недели я смогла спокойно с ним разговаривать и напомнила, что мне нужен развод. Дэнвер уговаривал меня подумать и дать нашим отношениям еще один шанс, но я понимала, что шанса у нас нет. О чем сразу и прямо ему сказала.

На следующий день он исчез.

По законам Легории супруги оба должны отказаться от брака: нет двух подписей — продолжайте мучиться! Поэтому следующие месяцы я пыталась до него дозвониться. Поэтому подала заявление в полицию на поиски мужа. А теперь... сегодня узнала, что...

Дэнвер мертв.

— Прима Брайс? — возвращает меня в реальность голос сержанта Лабрю. Только сейчас замечаю, что ее напарник отошел к стеллажам. — Я знаю, что новости у нас плохие, но, вероятно, вы сможете помочь в нашем расследовании.

— Чем я могу помочь?

А главное — зачем?

Дэнвера это уже не вернет.

— Чем прим Брайс занимался до того, как вы расстались? Может, упоминал какие-либо имена? Что-то необычное...

Имена? Нет. Я даже не знала полное имя его любовницы. Был только Волчий ринг, но рассказывать полиции о том, что я знала про подпольные бои, в которых участвовал

Дэн, вряд ли разумно. Это вызовет кучу вопросов, и уже не таких вежливых.

— Нет. Я уже говорила, что мы виделись с ним мы очень давно.

Сержанты вновь играют в гляделки, а мне нестерпимо хочется прекратить этот допрос. Потому что у меня ночью умер муж. Потому что я едва держусь, и у меня нет ни сил, ни желания отвечать на их вопросы.

— Вы уверены?

— Да, абсолютно, — киваю.

— Позвоните нам, если вдруг что-то вспомните, — произносит стандартную фразу сержант Лабрю, вручая мне треугольник визитки. — И еще раз примите наши соболезнования.

Моя помощница влетает в магазин сразу же, как только полицейские уходят. Наверняка ждала на крыльце.

— Вот, — она вручает мне кружку с кофе, — пей, пока не остыл.

Я была настолько оглушена произошедшем, что послушно сделала глоток и тут же закашлялась, потому что горло обожгло огнем.

— Рэбел, что это?!

— Кофейный виски.

— Кофе с виски?

— Нет. Кофе с виски — это когда добавляешь в кофе пару ложек горячительного. А кофейный виски, когда в подогретый алкоголь добавляешь немного кофе.

У помощницы настолько серьезный вид, что я начинаю смеяться. Не так, как обычно. Смех вырывается из меня резко, с надрывом, обжигает все внутри не слабее кофейного виски. Перед глазами встает мутная пелена, и вот я уже чувствую, как Рэбел прижимает меня к своей большой груди.

— Поплачь-поплачь, Чарли. От слез всегда легче.

Не легче, я это знаю. Поэтому мотаю головой, задавив в зародыше выглядывающую наружу истерику.

Я сильная.

Я не могу позволить себе слезы.

Я не могу позволить себе слабость.

Особенно сейчас.

— Я должна... Должна рассказать об этом родителям. Рэбел, ты справишься одна до вечера?

Помощница упрямо сжимает губы, но все-таки соглашается:

— Конечно, Чарли. Я закрою магазин.

— Нет. Только до вечера Рэбел. Я вернусь и сама его закрою.

— Но...

— Всё в порядке! — говорю я уверенно. По крайней мере мне хочется, чтобы мой голос так звучал. — Мне хватит этого.

— Хорошо, — кивает помощница. — Хотя бы захвати с собой кофе.

Не уверена, что смогу его осилить, но не взять — значит огорчить Рэбел. Так что забираю кружку, выхожу из магазина и пересекаю узкую улицу, которую с недавних пор власти сделали пешеходной.

Мои родители живут в доме напротив.

В том самом доме, в котором располагается «У Барри».

Я прохожу мимо кафе, автоматически отмечая столик, за которым сидела с мужем. С каждым мгновением все больше осознавая, что Дэнвера больше нет. Я никогда больше его не увижу.

Да, мы расстались, но... Но я не могу не думать о том, что между нами было.

Когда-то.

Когда мы были совсем другими... Юными, влюбленными, когда стояли друг за друга горой.

Поэтому, когда мама открывает дверь и меняется в лице, когда с ее губ срывается: «Что случилось, доченька?..» — я шагаю вперед и утыкаюсь лицом ей в плечо.

ГЛАВА 2

К счастью, мама всегда была понятливой. Я еще слова не сказала, а она уже крикнула отцу:

— Гувер, иди в гостиную и захвати с собой тот успокаивающий сбор.

Мама провела меня под руку и усадила на оранжевый диван. Аккурат на мое место. Сейчас я живу в другом районе, более новом, с развитой инфраструктурой, в доме с парковкой, но это — квартира моего детства. Мне все здесь знакомо и дорого: начиная от потертой диванной обивки до белоснежных вязаных занавесок, что достались от бабушки.

Я поставила кофейный виски на журнальный столик, и мама тут же сжала теплой ладонью мои заледеневшие пальцы. Она у меня очень красивая, возраст ее не портит, но любит поворчать. У нее волосы цвета шоколада и ярко-голубые глаза, а я пошла в папу: светловолосая, с зелеными глазами. Разве что очков не ношу, и взгляд у меня жесткий.

Дэн так говорил.

— Что-то с магазином, Чарли? — поинтересовался отец, появляясь в гостиной с подносом, на котором чайник и чашки.

Приходится рассказать им, что я теперь вдова, и с каждым словом мне становится легче, совсем чуть-чуть, но это уменьшает тяжесть, опустившуюся на мои плечи. Правда, решила умолчать про предположение полицейских. Ни к чему родным знать про врагов Дэнвера и про то, что это мо-

жет быть вовсе не несчастный случай. Не уверена, что мне самой было нужно это знание.

Родители слушали молча и внимательно, даже когда я закончила, долго молчали, пока мама первой не нарушила тишину:

— А я говорила, что он плохо кончит.

— Иви! — сурово посмотрел на нее отец.

Волнуется, раз повысил голос. Папа у меня мягкий и любую ссору может свести на нет. Но настоять на своем тоже может всегда. Хотя мама до сих пор не простила себе, что позволила отцу выбрать имя ребенку. Папа очень хотел сына, хотел назвать его в честь своего деда — Чарльзом. Только родилась я и спутала ему все карты. По словам бабушки, родители еще пару лет после моего рождения спорили насчет этого, но я так и осталась Чарли. Хотя мама с детства называла меня исключительно полным именем — Шарлин.

— Что — Иви? — нахмурилась мама. — Дочка, не стоит он твоих переживаний.

Отец метнул на нее убийственный взгляд:

— Чарли, это ужасная смерть, но... Дэнвер давно не имеет к тебе никакого отношения. Он всегда был сам по себе, даже когда вы были вместе. Он... был другим.

— Вервольфом, — сухо напомнила я.

Не только родители Дэна были против нашего брака. Мои тоже не выразили особой радости, хотя и не отказались от меня и даже пытались если не полюбить, то хотя бы принять моего мужа.

— Дело не в том, что он был вервольфом, Шарлин. Просто себя он любил больше, чем тебя.

Мамино признание — неожиданное. Я всегда яростно отстаивала свой брак, а сейчас больше нечего отстаивать. Потому что мамины слова созвучны с моими мыслями.

— Мне все равно кажется, что это я виновата.

— Это не так, Чарли. — Отец налил крепкий чай и пододвинул ко мне чашку. — Владыка душ сам решает, когда подарить жизнь, а когда забрать.

— Но может быть, если бы я была рядом, ничего этого не случилось бы.

Мама крепче сжимает мою руку:

— Шарлин, Дэнвер сам сделал свой выбор, когда ушел. И я искренне благодарна Владыке, что, когда он забрал его душу, тебя в той машине не было.

Мы еще немного сидим в гостиной, потом родители убегают по своим делам (я настаиваю). Мама подтягивает дочку своей подруги по легорийскому, у папы — встреча шахматного клуба, а я, не морщась, опрокидываю в себя всю кружку остывшего кофейного виски, поднимаюсь в свою комнату и долго лежу на кровати, свернувшись клубком.

Очнуться мне помогает телефонный звонок: сначала вздрагиваю, потом вижу, что звонит один из постоянных покупателей. За окном уже стемнело, а это значит, что пора возвращаться в реальный мир и на работу. Я не крашусь, поэтому быстро умываюсь и стягиваю спутанные волосы в хвост.

На улице ливень. Несмотря на то что я очень быстро добегаю до магазина, умудряюсь изрядно промокнуть. Правда, в самом магазине тепло и многолюдно. Многолюдно для букинистической лавки конечно же. Две девчужки рассматривают полку со старыми учебниками, прим Томпсон пришел за отложенной книгой.

— Привет, червь! — говорит при моем появлении серебристый попугай.

— Червь?! Роджер, откуда ты такое слово узнал?

Передо мной тут же появляется восьмилетний мальчуган, младший сын Рэбел, который строго смотрит на птицу.

— Я учил его словосочетанию «книжный червь», но он отказывается запоминать слово «книжный».

Я мысленно вздыхаю и склоняюсь к мальчику:

— Сайрус, давай договоримся, что ты не будешь учить Роджера словам, на которые наши покупатели могут обидеться.

— А что здесь обидного? Мы все тут книжные черви.

— Не все хотят быть червяками.

— Хорошо, я его переучу, — насупившись, обещает мальчик, но продолжает следовать за мной по пятам. — Чарли, знаешь, что я узнал из истории вервольфов? Что люди и вервольфы целых три столетия были непримиримыми врагами. Все началось с того, что вервольфы даже захватили земли Легории, но люди использовали хитрость. Отправили прекрасных дев в подарок вожакам волчих стай, а те умертвили их ночью после плотских утех.

Бесы! Не уверена, что Сайрус в курсе, что такое «плотские утехы», но нужно предупредить Рэбел, чтобы следила за тем, что он читает.

— Уверен, что тебе стоит читать такие книги?

— Я все здесь читаю! Все, что есть про вервольфов, — гордо выпячивает грудь Сайрус. — А вот еще...

— Сай, не мешай Чарли! — шипит на него старшая сестра, Лола, помогающая матери. — Ты достал уже со своими вервольфами!

— Все в порядке, Сайрус. — Я хлопаю обиженного мальчика по плечу. — Извини, сегодня и правда тяжелый день. Давай завтра попьем чай, когда ты вернешься из школы, и обсудим историю.

— С пончиками из «Вдохновения»?

— Обязательно.

Я как раз уже у стойки, где Рэбел прощается с примом Томпсоном.

— Какой дождище, а? Так пол-улицы смоем, ни одни резиновые сапоги не спасут, — говорит прим.

— Пожалуйста, не утоните, — смеется помощница. — Кто будет развлекать меня шутками?

Прим Томпсон уходит, и улыбка Рэбел сменяется тревогой в глазах.

— Чарли, ты что здесь забыла? Отправляйся домой.

— Нет, я и так оставила тебя одну на целый день. А у тебя еще много домашних дел.

— Подождут! — отмахнулась подруга. — У тебя причина поважнее.

— Рэбел, я не хочу утонуть в рефлексии и жалости к себе. Тем более что наши с Дэнном отношения в прошлом. Все в прошлом.

Рэбел не провести.

— Ты в это веришь?

Я не уверена, во что я верю, так это в то, что мои чувства словно затупились, как давно не точенный нож. Все, что мне сейчас надо, — побыть одной.

— Верю. Иди домой, как подругу прошу. Но могу как начальство.

— Ладно-ладно, — помощница грозит мне пальцем, — я тебе это припомню. Лола, Сайрус, идем домой.

Они уходят, а я обслуживаю девчонок, которые все-таки нашли нужный учебник. На улице действительно льет так, что вряд ли кто-то забредет в магазин в такое время, но, стоит покупательницам выйти за порог, старинный звоночек тренькает вновь.

Я поворачиваюсь, чтобы поприветствовать нового посетителя, и застываю на месте.

В магазин один за одним входят высокие мужчины в кожаных куртках. Их пятеро, и они словно растекаются по всему залу, совсем не интересуясь книгами. Все взгляды устремлены на меня, и каждый горит желтым.

Вервольфы.

Последний вошедший обходит стойку со старинными книгами и медленно, я бы сказала лениво, направляется

прямо ко мне. В отличие от других у него растрепанные волосы до плеч, он смазлив по меркам вервольфов, а еще на нем стильное пальто и дружелюбная улыбка. Если, конечно, можно назвать дружелюбным волчий оскал.

— Чудесный вечер, правда?

Все вервольфы разом подбираются, и я выпрямляю спину. Они не выглядят телохранителями, скорее гарантами того, что я не смогу уйти. Словно в подтверждение моих мыслей, один перекрывает собой дверь в подсобку, а второй — черный ход.

— Ошиблись адресом? — спрашиваю спокойно. — Бар дальше по улице.

В моем магазине есть ценные книги, но они ценны своими сведениями, для людей знающих. Грабителям в моем магазине делать нечего, а значит, они здесь не за этим.

Мой вопрос веселит главаря, и его смех ударяет мне по нервам. Предчувствие воеет полицейской сиреной, но я сохраняю лицо. По крайней мере мне хочется в это верить.

— Нет, Шарлин, — он выделяет мое имя, и у меня внутри все холодеет, — я думал, ты в курсе, что вервольфы не любят алкоголь. Мы от него не хмелеем. Да и зачем хлестать виски, если у тебя есть множество других способов развлечься?

— В барах много развлечений.

— Убедила, заглянем туда вместе. Только сначала покончим с делами.

С лица главаря слетает улыбка, и он подходит вплотную к стойке, а я медленно тянусь к тревожной кнопке. Мы с Рэбел всегда хранили ее на полке под кассой, но сейчас там почему-то ее не оказывается. Поэтому я беру стопку журналов и выдвигаю ящик стола.

— Хотите купить книги?

Вот она!

Только сохранять лицо и заговаривать им зубы.

Сердце колотится, но я вежливо улыбаюсь. Как улыбаюсь каждому клиенту, зашедшему в мой магазин.

Мое запястье перехватывают раньше, чем я касаюсь черного кругляша, напоминающего ключ-кнопку от машины. Отточенным движением, почти невидимым человеческому взгляду. Но сдавливают так, что я вскрикиваю.

— Так делать не нужно! — Второй рукой он подхватывает кнопку, бросает ее к себе под ноги, и та с хрустом гибнет под мощным ударом ботинка. — Поверь, лишние свидетели тебе ни к чему, Шарлин.

Главарь резко тянет меня на себя, выкручивая руку, и в меня ударяет запах зверя. И собственный страх. Но это чувство дает мне силу. Из-за него я почти не чувствую боли в запястье. Из-за него я перестаю трепыхаться и отвечаю на взгляд вервольфа ненавистью.

— Убрал свои лапы! — цежу ему в лицо, и меня отпускают так же внезапно, как схватили.

— Ух ты, какая горячая штучка! — Глаза главаря загораются восторгом. — И не скажешь, что человек. Волчица! Неудивительно, что Дэни забил из-за тебя на свое наследство.

Значит, все-таки Дэнвер. Стоило сразу догадаться. И во что ты меня втянул, бывший муж?

— Кто ты такой? — спрашиваю. — И что тебе от меня нужно?

— Мои желания тут ни при чем, Шарли. Наверное, так тебя называют близкие?

— Для тебя я прима Брайс.

— Ну-ну, не хами, крошка. Я здесь не ради себя.

Его настроение меняется с той же скоростью, с какой он умеет двигаться: сейчас на его лице проявляется раздражение с оттенком злости.

— А ради кого?

— Ради нашего альфы, разумеется.

Я застываю на месте.